

8. Luman N. Social'nye sistemy. Ocherk obshei teorii. SPb., 2007.
9. Malahov V.S. Gosudarstvo v usloviyah globalizatsii. M., 2007.
10. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava / G.V. Mal'cev. M., 2013.
11. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo perehodnogo tipa // Problemy teorii gosudarstva i prava. M., 1999.
12. Myakishev G.Ya. Obshaya struktura fundamental'nykh fizicheskikh teorii i ponyatie sostoyaniya // Fizicheskaya teoriya. M., 1980.
13. Neiman I. fon. Matematicheskie osnovy kvantovoi mehaniki. M., 1964.
14. Novaya filosofskaya enciklopediya / pod red. V.S. Stepina: v 4 t. M., 2001.
15. Popechitelev E.P. Sistema tehniceskikh metodov upravleniya sostoyaniem cheloveka // Fizioterapevt. 2010. № 11.
16. Simanov A.L. Ponyatie «sostoyanie» kak filosofskaya kategoriya. Novosibirsk, 1982.
17. Sorokin V.V. Teoriya gosudarstva i prava perehodnogo perioda: Uchebnik. Novosibirsk, 2008.
18. Social'noe znanie na sluzhbe rossiiskogo obshestva / Nauchnyi sovet Programmy fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN «Ekonomika i sociologiya znaniya». M., 2010.
19. Stepin V.S. Sistemnost' ob'ektov nauchnogo poznaniya i tipy racional'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 1.
20. Fok V.A. Kvantovaya fizika i stroenie materii. L., 1965.

Современное состояние и перспективы российской теории права и государства Часть 1

Лапаева В.В.

доктор юридических наук, советник Конституционного Суда РФ
E-mail: lapaeva07@mail.ru

***Аннотация.** В статье дается общая характеристика современного состояния российской теории права, которая рассматривается в единстве таких ее аспектов, как философия права, социология права и юридическая догматика. Перспективы развития по каждому из этих направлений должны, по мнению автора, определяться главным социальным запросом. Особое внимание автор уделяет раскрытию познавательного потенциала либертарно-юридического типа правопонимания применительно к каждому из выделенных направлений теоретико-правовых исследований.*

***Ключевые слова:** теория права, философия права, социология права, догма права, право, произвол, тип правопонимания, сущность права, принципы права, критерии ограничения прав человека.*

Теория права и государства — это общенаучная юридическая дисциплина, главная познавательная задача которой заключается в «формулировке и обосновании общего понятия права (включающего в себя и соответствующее понятие государства), разработке на этой понятийно-правовой основе предмета и метода данной концепции юриспруденции, конкретизации исходного общего понятия права в виде единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы более частных (т.е. более детализированных и более конкретных) понятий юридической науки как целостной системы различных юридических наук»¹. Изучая право как ядро соционормативной системы государственно организованного общества, теория права и государства (далее — теория права) находится во взаимодействии с другими обще-

ствоведческими науками (философией, социологией, политологией, экономикой, социальной психологией, антропологией и т.д.) и использует их познавательные возможности для углубления и расширения знаний и праве. Результатом этого взаимодействия является то обстоятельство, что наряду с юридической догматикой в сфере теоретико-правового знания формируются относительно самостоятельные направления исследований, являющиеся теоретической базой для становления и развития соответствующих новых юридических дисциплин общенаучного профиля.

В настоящее время можно говорить о наличии в отечественной теории права таких внутренне взаимосвязанных подсистем, как философия права, социология права и юридическая догматика. В последние десятилетия предпринимаются заметные усилия по формированию и иных направлений правовых исследований междисциплинарного характера (и прежде всего таких, как юридическая

¹ Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. 2-е. изд. М., 2010. С. 34.

антропология², юридическая политология³, юридическая конфликтология⁴), однако их научные основы пока не оформились в самостоятельные подсистемы теоретико-правового знания. Поэтому в рамках данной работы современная российская теория права будет рассмотрена в единстве ее трех основных аспектов: философии права, социологии права и юридической догматики⁵.

1. Философско-правовые основы теории права

В центре внимания философии права как самостоятельной научной дисциплины юридического профиля и одновременно как философской базы теории права находятся «проблемы понятия и смысла права, его внутренней сущности и форм внешнего проявления, выражения и действия, его объективных оснований и места в мире, закономерностей его возникновения и развития, приемов и средств его познания, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»⁶. В отличие от Западной Европы, где философия права сформировалась на базе античной традиции юснатурализма, в России философское осмысление идей естественного права начинается лишь со второй половины XVIII в. Но уже в конце XIX — начале XX вв. наблюдается интеллектуальный взлет отечественной философии права, сумевшей не только осмыслить и воспринять европейские идеи возрожденного естественного права, но и внести свой оригинальный вклад в мировую философскую мысль, связанный главным образом с нравственно-религиозной критикой западного рационализма. В нравственно-религиозном направлении русской философии (которое, по мнению специалистов⁷, было ярче и самобытнее оппонировавшего ему либерального течения) наиболее

полно проявились как сильные, так и слабые стороны отечественной философии права и российской ментальности в целом.

С одной стороны, критика видными представителями русской философии права либерально-индивидуалистической идеологии юснатурализма не прошла бесследно для западной философии права и для мировой политико-правовой мысли. Однако применительно к самой России эта критика существенно обесценивалась тем обстоятельством, что реалии российской жизни были далеки не только от либеральных идей, но и от идеалов соборности, всеединства и нравственной справедливости. На практике выразителями нравственно-религиозных ценностей, призванных объединить российское общество, оказывались не представители его духовной или интеллектуальной элиты, и даже не государственные институты, а носители высшей власти, выступающие в своем личностном, а не институциональном качестве⁸. А в подобных условиях (как верно подчеркивал Б.Н. Чичерин в своей знаменитой полемике с В.С. Соловьевым) ориентация правового регулирования на нравственно-религиозные ценности чревата опасностью неограниченного произвола. Анализ дискуссий подобного рода показывает, что представители либерального спектра российского философско-правового дискурса были в целом убедительнее своих оппонентов уже хотя бы потому, что их позиция соответствовала объективным потребностям российского общества в экономической, а соответственно, и в политико-правовой модернизации.

При всех идейных разногласиях между представителями нравственно-религиозного и либерального течений русской философско-правовой мысли и те и другие придерживались общей парадигмы правопонимания, основанной на представлении о том, что «человек по своей природе есть существо сверхчувственное, или метафизическое»⁹. С позиций данной парадигмы, которую можно обозначить как *метафизическую*, право — это система прав человека как абстрактного носителя неких сущностных свойств, предопределяющих и сущностные характеристики самого права. Поскольку человек по своей сути — это существо, обладающее разумной свободной волей, то в рамках такого подхода к правопониманию право с той или иной степенью последовательности увязывается с разумными началами человеческого общежития и со свободой человека.

Данный подход противостоит *позитивистскому* правопониманию, с точки зрения которого человек значим не как носитель самоценной метафизической сущности, а лишь как реально дей-

² См.: Ковлер А.И. Антропология права / Учебник для вузов. М., 2002.

³ См.: Смирнов В.В. Юридическая политология: теоретико-методологическая эволюция // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М., 2008. С. 106–115 и др.

⁴ Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995.

⁵ На мой взгляд, нет никаких оснований подвергать сомнению такую структуру современной теории права и утверждать, что «общая теория права и государства себя изжила» и что «необходимо развивать самостоятельные юридические науки, имеющие и свой предмет, и свои методы исследования. Это философия права, социология права и догма права». (Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов, 2007). Дело в том, что догма права не существует в отрыве от типа правопонимания, выработка которого требует максимально полного использования всего имеющегося на данный момент научного обществovedческого потенциала. При этом междисциплинарные исследования могут дать прирост знания о праве только в том случае, если их результаты будут осмыслены теорией права в ее собственном понятийном словаре.

⁶ Нерсесянц В.С. Философия права / учебник для вузов. М., 2006. С. 1.

⁷ Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>.

⁸ В этом плане весьма показательным, что смена православия на светскую религию марксизма, а христианских заповедей — на кодекс строителя коммунизма не привела к потрясению нравственно-правовых основ российского менталитета.

⁹ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990. С. 55–56.

ствующий субъект, чье поведение обусловлено велениями публичной власти (легистский позитивизм) или фактическим порядком общественных отношений (социологический позитивизм). Именно отрицание позитивистским правопониманием метафизической сущности человека и обуславливает, в конечном итоге, произвольный (т.е. не связанный объективным критерием в виде некой «идеи сверхпозитивной обязательности»¹⁰) характер той системы нормативной регуляции, которая обозначается здесь термином «право». В рамках этого подхода право предстает как выражение не ограниченной сущностным критерием властной силы, источником которой является государство или общество.

Главная линия напряжения в отечественной теории права рассматриваемого периода была задана противостоянием между либеральной версией юснатурализма и официальной доктриной юридического позитивизма, основанного на отождествлении права и закона как произвольного (т.е. не связанного объективными критериями) властного веления. Усилия ряда авторов (В.С. Соловьева, А.С. Яценко, Г.Д. Гурвича и др.) по разработке интегральной (интегративной, синтетической) теории права можно рассматривать как попытки сгладить это напряжение за счет построения понятия права, соединяющего в себе индивидуалистическое личностное начало, в котором проявляется стремление человека к свободе, с социальным началом, в основе которого лежат идеи социальной интеграции и социальной справедливости. Подобные попытки не увенчались достижением искомого теоретического компромисса¹¹, поэтому в наши дни проблема не утратила своего значения. Более того, она существенно актуализирована тем обстоятельством, что в нынешних условиях за дискуссиями между сторонниками либерального подхода к осмыслению права (который в современной теории права представлен прежде всего либертарным типом правопонимания и в меньшей степени — либеральной версией юснатурализма) и приверженцами легистского позитивизма скрывается более глубокая линия мировоззренческого раскола между традиционной для России системоцентристской моделью политико-правового устройства и закреплённой в Конституции страны человекоцентристской парадигмой.

Принципиальный характер этого противостояния существенно затрудняет выработку того теоретического консенсуса по вопросу о понятии права, который мог бы лечь в основу базовых доктринальных положений о позитивном праве,

составляющих в своей совокупности догму права. В итоге мы имеем ситуацию, когда ни один из типов правопонимания, конкурирующих в рамках российской теории права, не является настолько общепризнанным, чтобы он мог быть положен в основу новой доктрины и догмы права. При этом многие авторы, уставшие от прежнего идеологического диктата, считают не нужным и даже опасным наличие в теории права подобного мэйнстрима и предлагают «не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения»¹² или говорят, что «все понимания права столь же верны, сколь и оспоримы»¹³. Некоторые и вовсе считают, что может быть одновременно несколько «общедоктринальных учений о праве», каждое из которых «предлагает свою картину видения права и правовой действительности»¹⁴. Причем такой подход обычно именуют теоретико-методологическим плюрализмом, характерным для эпохи постмодерна с его ориентацией не на приращение объективного научного знания об объекте исследования, а на приумножение его субъективных интерпретаций. Другие почему-то полагают, что принадлежность юснатурализма и юридического позитивизма к классической рациональности настолько нивелирует различия между этими доктринами, что можно говорить о «принципиальной теоретической идентичности нормативной (т.е. юридико-позитивистской — В.Л.) и естественно-правовой школ как различных трактовок «рационального права»¹⁵.

Между тем, теоретический плюрализм — это свободная конкуренция теорий в борьбе за истину, которая на данный момент всегда одна, а вовсе не смешение разных истин в одном понятии (по поводу чего в народе метко говорят, что «плюрализм в одной голове — признак шизофрении»). Что же касается пришедшего к нам с Запада постмодернизма, то там увлечение постмодернистской методологией в области социального познания с ее теоретической эклектикой, иррационализмом и отказом от логики в пользу здравого смысла¹⁶ уже

¹⁰ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость // пер. с нем. М., 1994. С. 3.

¹¹ Подробнее см.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 175–190. URL: <http://www.igpran.ru...articles/Lapaeva.Monografiya2012.pdf>.

¹² Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 4.

¹³ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 274.

¹⁴ Сорокина Ю.В. Предисловие к монографии Р.Р. Палеха «Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития». М., 2012. С. 5. URL: <http://www.pdf.zone-x.ru/001\564\066.pdf>.

¹⁵ Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К обновлению методологии юридической науки. Саратов, 2007. С. 32.

¹⁶ Сапельников А.В., Честнов И.Л. Теория государства и права. СПб., 2006. С. 163. То обстоятельство, что сами по себе поиск и оценка фактов судьей в процессе принятия им решения по делу, в основном, как пишут авторы со ссылкой на Р. Познера, «не являются логическим процессом», отнюдь не значит, что итоги этой оценки не могут и не должны быть соотнесены с логикой правового анализа, основанной на той или иной трактовке сущности права. В противном случае любое решение судьи надо считать правом и наука не может ничего противопоставить судебскому произволу. В целом же надо сказать, что отказ от

подходит к концу и на первый план вновь выходит объяснительная (а не описательная) функция научной теории¹⁷. В любом случае теоретического плюрализма у нас хватает: сейчас что ни статья по теории — то еще одно определение понятия права. Давно пора достичь хоть какой-то консолидации позиций, основанной на приемлемых для большинства теоретико-методологических постулатах, способных лечь в основу обновленной человекоцентристской догмы права, адекватной основополагающим положениям действующей в стране конституции. Потому что отсутствие среди новых подходов к праву так называемого *opinio communis doctogum* (общего мнения ученых) приводит к тому, что догма российского права по-прежнему остается легистской и, следовательно, не содержит в себе критериев различения права от произвола в форме закона.

В стране, переживающей сложный период перехода от авторитарно-тоталитарного, приказного (т.е. произвольного) законодательства к системе правовых по своей сути законов, в основе которых лежит признание неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, *главный запрос социальной практики, обращенный к российской юридической науке состоит в разграничении права как сферы индивидуальной свободы от властного произвола, облеченного в форму закона*. Решение этой исключительно сложной, философско-правовой в своей основе проблемы должно опираться на соответствующее понятие права. Ведь в зависимости от того, что понимается под правом в рамках той или иной национальной правовой системы (т.е. от того, какой тип правопонимания является здесь доминирующим), сфера властного произвола приобретает различные очертания.

Эти различия в подходах к очерчиванию границ права и произвола в конечном итоге определяются тем, как трактуется ключевая для правопонимания проблема соотношения общего и личного блага: являются ли ценности общего блага, связанные с обеспечением национальной безопасности, общественного порядка и т.д., условием блага каждого (выражая таким образом универсальные интересы, присущие неограниченному кругу лиц) или они выступают как доминирующие над индивидом так называемые общественные интересы¹⁸, в качестве выразителя которых обычно выступает государство. Именно в этом моменте выявляется,

рационально-объяснительного подхода и ориентация на чувственно-описательное восприятие правовой реальности, по сути дела, означает отказ не только от научного осмысления права, но и от самого права как квинтэссенции разумных начал человеческого общежития.

¹⁷ См.: Девятко И.Ф. Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России // Социс. 2007. № 9. С. 37; Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социс. 2007. № 9. С. 6.

¹⁸ См.: Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003. С. 10–11.

какая мировоззренческая установка лежит в основе реально действующего в стране типа правопонимания — человекоцентристская (когда ценности общего блага имманентны правам человека) или системоцентристская (когда общественное начало доминирует над индивидом)¹⁹.

Чтобы понять, какой из типов правопонимания в наибольшей степени отвечает этому социальному запросу, надо сделать небольшой экскурс в советскую и постсоветскую историю отечественной юриспруденции. И вспомнить о том, что на смену короткому «золотому веку» российской философии и теории права пришли десятилетия диктата догматической версии коммунистической идеологии, которая в юриспруденции была представлена жестким вариантом юридического позитивизма легистского образца²⁰. Однако уже с середины 50-х гг. прошлого века, когда давление официальной идеологии на юридическую науку слегка ослабло, была выдвинута идея так называемого широкого понимания права, включающего в себя помимо норм также правоотношения (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский) и правосознание (Я.Ф. Миколенко). И хотя правоотношение, и правосознание рассматривались здесь лишь как производные от закона, тем не менее это был первый (и уже поэтому очень важный и трудный для своего времени) шаг на пути к новому правопониманию. Позднее эти идеи получили развитие в работах Д.А. Керимова, Е.А. Лукашевой, В.А. Туманова, Л.С. Явича и других, которые также предлагали включить в понятие права правоотношения, правосознание или субъективные права²¹. Параллельно с этим в середине 70-х гг. В.С. Нерсисянцем была выдвинута *идея различения права и закона*²², на основе которой была уже в советский период разработана принципиально новая концепция права (названная автором

¹⁹ Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 3–14.

²⁰ По итогам 1-го Совещания по вопросам науки советского государства и права 1938 г. под правом было предписано понимать «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу». (Основные задачи науки советского права: материалы 1-го Совещания научных работников права. 16–19 июля 1938 г. М., 1938. С. 37). Я привела здесь это определение, чтобы напомнить, как мало оно в сущности отличается от тех дефиниций права, на которые до сих пор в значительной мере ориентированы у нас и учебный процесс, и правовая практика.

²¹ Дискуссии этого периода в концентрированном виде представлены в материалах круглого стола «О понимании советского права», проведенного журналом «Советское государство и право». См.: Советское государство и право. 1979. № 7, 8.

²² Нерсисянц В.С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права / под ред. Д.А. Керимова. М., 1973.

либертарной, а позднее — либертарно-юридической), трактующая сущность права как формальное равенство в свободе. И, наконец, следующей важнейшей вехой на этом пути стала Конституция РФ, в подготовке которой принимали активное участие представители теории права. Конституция закрепила в ряде своих статей новую трактовку права как системы норм, основанных на прирожденных и неотчуждаемых правах человека, и обозначила в качестве политико-правового вектора развития страны переход к человекоцентристской парадигме, в рамках которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью для государства.

Таким образом, постсоветская теория права получила в наследство очень существенный задел. Однако распоряжается она им далеко не лучшим образом, поскольку в сфере правопонимания до сих пор не произошло заметных качественных изменений. В итоге мы имеем ситуацию, когда в отраслевом правоведении, учебном процессе и правовой практике по-прежнему доминирует легистский подход, трактующий право как совокупность норм, установленных или санкционированных государством и снабженных мерами государственного принуждения. А это значит, что юридическая наука не может предложить практике консолидированные (а значит — авторитетные для законодателя и правоприменителя) теоретически ясные и эмпирически верифицируемые критерии разграничения права от властного произвола. Рассматривая с точки зрения этой задачи состояние современной российской теории права и перспективы ее развития, можно сказать следующее.

Юридический позитивизм легистского образца, оставшийся нам в наследство с советских времен, не сможет повернуть российскую теорию права (а через нее и правовую практику) «лицом к человеку». Не стоит обольщаться тем, что на Западе старый спор между сторонниками естественно-правового и юридико-позитивистского подходов уже не укладывается в русло мировоззренческого противостояния. Западный юридический позитивизм, подвергнутый в середине прошлого века жесткой критике за теоретико-методологическую «лояльность» нацистскому режиму, существенно смягчил свой прежний теоретический ригоризм и либерализировал свою доктрину. Что же касается советского и постсоветского легизма, не имевшего опыта подобного рода «чистилища», то он не способен не только решить, но и поставить задачу разграничения права и законодательного произвола.

Правда, сторонники легистского позитивизма, вынужденные как-то приспособливаться к правовому содержанию Конституции страны, обычно предпочитают откровенному легизму эклектические конструкции, в рамках которых право определяют как неотчуждаемые права человека, позити-

вированные в законе²³, как систему норм, включающих в себя законодательство и общепризнанные принципы и нормы международного права²⁴, и т.п. Причем называют такой подход интегративным, подразумевая, что он объединяет легизм и юснатурализм. Встречаются и более оригинальные версии «интеграции» правопонимания, например, когда определение объективного права дано с позиций легизма, а в субъективное право включает прирожденные права человека²⁵. При этом во всех подобных дефинициях остается неясным, что именно (т.е. какой сущностный признак) объединяет столь различные составляющие предлагаемого понятия, позволяя именовать и то и другое правом? Наряду с подобным «интегративным» правопониманием, выстраиваемым на базе той или иной комбинации легизма и юснатурализма, существуют также теоретические конструкции, объединяющие легизм с социологическим позитивизмом²⁶ либо и вовсе включающие в понятие права все известные их авторам признаки, составляющие сущностные особенности различных типов правопонимания²⁷. Но доминирующими в нашей теории права являются сейчас многочисленные в своих вариациях эклектические комбинации легизма и юснатурализма.

Конечно, на уровне явления позитивистский и естественно-правовой подходы к праву вполне могут сочетаться в том смысле, что нормы естественного права (а также основанные на них общепризнанные принципы и нормы международного права) могут получить закрепление в действующем законодательстве. Именно по пути позитивации естественного права и идет современная практика правотворчества. Но что мы будем считать правом в случае противоречия между естественными правами и законодательством? А такое противоречие неизбежно уже хотя бы потому, что прирожденные

²³ См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.

²⁴ См.: Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. М., 2008. № 7. С. 10–13.

²⁵ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы правопонимания. Саратов, 2003. С. 81–82.

²⁶ См., напр.: Современные концепции правопонимания: Материалы «круглого стола». СПб., 2004. С. 12.

²⁷ Так, по мнению В.Н. Карташова, право выступает как «система общеобязательных нормативных предписаний, обеспеченных мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженных в нормативных правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающих идею и состояние свободы и ответственности, справедливость и равенство, гуманизм и общественный порядок, служащих особым, юстициальным регулятором поведения людей и организаций». (Цит. по: Занина М.А. Теоретические и практические проблемы правопонимания: Материалы междунар. науч. конф. // Российское правосудие. М., 2007. № 7. С. 98). Хотелось бы спросить автора: будут ли считаться правом общеобязательные нормативные предписания, выражающие равенство, но не выражающие при этом гуманизм? Или те предписания, обеспеченные мерами негосударственного воздействия, которые противоречат предписаниям, снабженным мерами государственного принуждения?

права человека в силу их естественного (а значит — неисчерпаемого) характера никогда не могут быть полностью выражены в законе. А главное — как мы будем определять критерии ограничения прав человека? Какие ценности при этом станут определяющими — другие права человека и те ценности общего блага, которые являются условием их реализации, или государственные и общественные интересы, доминирующие над правами человека? Если теория права не формулирует эти вопросы и не дает на них ясные ответы, то по умолчанию она остается легистской. А практика, не имеющая теоретических критериев разграничения права и произвола, остается произвольной.

Другая, более содержательная, попытка синтеза различных подходов к пониманию права представлена сейчас так называемым *постклассическим правопониманием*, охватывающим коммуникативную, психологическую, феноменологическую, герменевтическую, экзистенциальную и иные концепции права²⁸, получившие в последние годы распространение на Западе.

В российской теории права наиболее разработанной является в настоящее время коммуникативная концепция А.В. Полякова²⁹, суть которой, может быть, по мнению автора, сведена к тезису: «Право есть там, где люди убеждены в том, что оно есть». Убеждение в наличии права «есть признание неких рамок поведения, т.е. определенных прав и обязанностей, связывающих всех членов общества; признание их «объективного» ... характера, понимание их содержания и порядка реализации». Но поскольку признание права «невозможно без опыта права», то право «существует как становящееся право, находящееся в постоянной динамике текстуально-информационного и энергично-поведенческого взаимодействия». Вся эта сложная система через редукцию комплексности превращается в сознании познающего субъектов в некий набор принципов. «Право, — резюмирует автор, — это сама социальная жизнь, взятая в специфическом ракурсе, но определение границ права через редукции комплексности неизбежно ведет к упрощенному и фрагментарному его пониманию». При этом задачу теории права он видит в том, чтобы создать такую модель правовой действительности, в рамках которой «было бы возможно совмещение понимания права с позиций юридической практики (права в жизни) с максимально возможным уровнем научного обобщения, противодействующего его (права) теоретической «фрагментации». Это и есть проблема синтеза формального, ценностного и антропо-

логического аспектов правовой коммуникации». С таким подходом можно согласиться, поскольку смысл его сводится к тому, что необходимо синтезировать на единой теоретической основе все многообразие проявлений права в реальной жизни. Однако сам автор такой основы не предлагает и в своем правопонимании, по сути дела, остается в рамках вполне традиционного социологического позитивизма. А с позиций такого подхода «право в жизни» вполне может оказаться антиправовым произволом.

Если же в своих поисках доктринального правопонимания российская теория права все-таки склонится в сторону заложенной в Конституции человекоцентристской правовой идеологии, то перед ней встанет выбор между двумя доктринами: юснатурализмом и либертарно-юридической теорией. Между этими подходами много общего: и идейное родство (поскольку каждый из них трактует право как систему норм, базирующуюся на правах человека), и методологическое единство (оба подхода исходят из ограниченности позитивистской методологии), и общие теоретические установки на различение права и закона, и соответствие Конституции страны, основные положения которой поддаются интерпретации с позиций обоих подходов. Однако на главный вопрос — «Что есть право?» — сторонники этих типов правопонимания отвечают по-разному.

С точки зрения юснатурализма право — это непосредственно действующее естественное право (т.е. нормативное отражение в человеческих отношениях божественного разума, разумных законов природы и общества, конвенционально установленных в рамках международного сообщества общепризнанных принципов и норм и т.п.), обусловленное в конечном итоге той или иной версией трансцендентальной идеи разума. *С позиций либертарно-юридической концепции*, для которой разумные основания права коренятся в сфере реальной социальной жизни, организуемой людьми на началах идеи формального равенства, *право — это правовой закон как результат правотворческой деятельности правового государства*. В практической плоскости эти, казалось бы, сугубо теоретические расхождения означают две разные стратегии правового развития страны: если юснатурализм ориентирован в первую очередь на подтягивание российской системы права до уровня заданных ей извне стандартов прав и свобод человека (в формировании которых Россия пока что не принимает сколько-нибудь заметного участия), то либертарный подход исходит из необходимости обеспечения прежде всего институциональных форм свободы (т.е. соответствующих институтов правового государства), на базе которых и с участием которых должна сформироваться адекватная российским реалиям система права, отвечающая требованиям формального равенства.

²⁸ Содержательный критический анализ этих подходов см.: Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов, 2007. С. 49–62.

²⁹ Поляков А.В. Общая теория права / учебник для вузов. СПб., 2004. С. 116–119.

Что касается места и роли естественно-правового типа правопонимания в современной российской теории права, то этот подход в его чистом виде, как ни странно, имеет мало приверженцев (к их числу из известных специалистов можно, на мой взгляд, отнести прежде всего Л.С. Явича, Г.В. Мальцева и отчасти В.Д. Зорькина). В истории правовой мысли в рамках данного типа правопонимания объединяются самые разные концептуальные направления. В нашей теории права я бы выделила два наиболее заметных течения, одно из которых представляет собой социологизированную версию юснатурализма, а другое — этико-религиозную версию. При этом и для первого, и особенно для второго направления характерны общие недостатки юснатурализма, связанные с отсутствием теоретического разграничения между правом и нравственностью, а также с дуализмом правовой системы, включающей в себя одновременно и позитивное, и естественное право как фактически действующее право.

Первое направление наиболее ярко выражено в работах В.Д. Зорькина, который относит себя к сторонникам «концепции «естественного права» ... с изменчивым историческим содержанием»³⁰, понимая под естественным правом социальную этическую норму, содержащую «массовые представления о справедливом и должном»³¹. Согласно данному подходу, в любой социально-государственной системе общественный порядок удерживается не писанным законом, а неким «этико-нормативным полем»³², на базе которого и должна выстраиваться правовая система. При всех достоинствах рассматриваемого типа правопонимания, проявляющихся в стремлении найти в самом обществе объективные (обусловленные социокультурными особенностями страны) основания для формирования и развития права, он имеет принципиальный недостаток, связанный с отождествлением права как общезначимого начала с нравственностью, которая по своей природе всегда партикулярна. Недостатки такого отождествления особенно очевидны в современной России, где массовые представления о справедливом и должном характеризуются таким глубоким внутренним расколом, который не позволяет говорить о едином этико-нормативном поле, способном стать основой для правовой системы³³.

³⁰ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 36.

³¹ Там же. С. 226.

³² Там же. С. 6.

³³ Для подтверждения этого тезиса я не буду приводить многочисленные социологические данные, а сошлюсь лишь на слова академика РАН С.Ю. Глазьева, который в своем выступлении на пленарном заседании IV Социологического конгресса в Москве 02.02.2012, вспомнив слова бывшего Генерального секретаря КПСС Ю.А. Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором живем, заметил: «А теперь мы не знаем, есть ли вообще у нас общество, потому что степень раскола между людьми такова, что заставляет усомниться в том, что их может объединять что-то фундаментально значимое для них».

Впрочем, создается впечатление, что В.Д. Зорькин и сам не вполне удовлетворен теоретическим потенциалом юснатурализма, поскольку он неоднократно определяет право как норму и меру свободы³⁴. Но если подобные высказывания воспринимать не как образные выражения, а как квинтэссенцию соответствующей теоретической позиции, то надо признать, что речь идет о концепции правопонимания, разработанной В.С. Нерсесянцем.

Этико-религиозная трактовка права, занимавшая когда-то влиятельные позиции в русской философско-правовой мысли, в последние годы вновь становится все более популярной, поскольку она хорошо «вписывается» в заметно набирающие силу теории евразийства, византийства, державности и иные концепты, ориентированные на самобытное политико-правовое развитие России. Наиболее полное и последовательное теоретическое обоснование этико-религиозная версия юснатурализма получила в работах Г.В. Мальцева, в которых перспективы развития права связываются с конвергенцией религии, морали и права. Призывая приостановить идущий еще с периода распада синкретичности первобытной культуры процесс дифференциации права, морали и религии, автор делает особый акцент на необходимости «сближения права и религии на базе ценностей, отчасти уже известных по опыту прошлого, но также и тех, которые предстоит выработать или открыть, исходя из анализа процессов, пока еще не ясных, не определившихся по своему характеру»³⁵. Такую перспективу он противопоставляет нынешнему влиянию либеральной мысли, которое, по его мнению, «стало одним из основных источников болезненного перерождения многих юридических институтов, затянувшегося глубокого кризиса права в современном мире». Применительно к России он говорит о необходимости «критического пересмотра либеральной (либертарианской) идеологии проведенных реформ», виновной, по его мнению, в «массовом обнищании, коррупции власти, падении нравов, неслыханном росте преступности и, как следствие, снижению уровня доверия к власти, уважения к закону и суду»³⁶, и напоминает, что силой сдерживания либерализма в нашей стране «традиционно (с XVIII столетия) выступало религиозное православное сознание»³⁷.

Прежде всего следует заметить, что некорректно увязывать негативные последствия реформ с идеологией либерализма вообще, поскольку идейным мотором этих реформ было такое течение либеральной мысли, которое специалисты относят к «самым крайним из вариантов в неолиберальной

³⁴ См., напр.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 336.

³⁵ Мальцев Г.В. «Нравственные основания права». М., 2009. С. 534.

³⁶ Там же. С. 108.

³⁷ Там же. С. 532.

экономике»³⁸. Гораздо более жесткая, содержательная и конструктивная критика проведенных в стране реформ (и прежде всего — лежащей в их основе приватизации) дается именно в рамках либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца с позиций разработанной на ее основе концепции цивилизма. Далее я вернусь к этой теме. Здесь же, т.е. в контексте рассматриваемой проблемы, следует обратить внимание на то, что главным в этико-религиозной версии юснатурализма, представленной в работах Г.В. Мальцева и других авторов, является *трактовка справедливости как нравственной (нравственно-религиозной) категории*, «общей для морали и права»³⁹.

Недостатки такой позиции, помимо уже отмеченной выше невозможности в условиях расколотого общества сформулировать общее представление о нравственной справедливости, заключаются в том, что придание данной категории не правового, а нравственного характера неизбежно приводит к тому, что справедливость права рассматривается как вторичная по отношению к некоей внеправовой справедливости. А поскольку подобные «внеправовые начала лишены определенности принципа правового равенства ..., они неизбежно оказываются во власти субъективизма, релятивизма, произвольного усмотрения и частного выбора (индивидуального, группового, коллективного, партийного, классового и т.д.)»⁴⁰. Применительно же к России с ее традиционной «экстраполяцией правдоносительства на главного государственного лидера»⁴¹ рассуждения о нравственной природе справедливости и права на практике всегда работали на укрепление режима личной власти, не ограниченной надлежащими формально-юридическими рамками.

Попытки вернуть философско-правовую мысль в русло архаичной этико-религиозной версии юснатурализма встречают очень серьезное сопротивление со стороны тенденции к рационализации правопонимания, имеющей давнюю историю в мировой философско-правовой мысли. Начало этому

процессу было положено «постепенной десакрализацией и рационализацией исходных мифических представлений об общественной жизни, политике, государстве и праве и возникновением зачатков теоретических воззрений в разных областях социально-политического знания у разных народов ... В целом общая тенденция к рационалистической трактовке социально-политических явлений достаточно отчетливо проявляется в I тысячелетии до н.э. во всех культурных центрах тогдашнего мира»⁴². Существенное ускорение этот процесс получает в Западной Европе в эпоху Нового времени, когда мораль и право провозглашаются независимыми от религии⁴³. В самом общем виде можно сказать, что в результате десакрализации правопонимания «авторитет священного постепенно замещается авторитетом достигнутого консенсуса»⁴⁴ и религиозные догматы, которые выполняли роль высшего критерия правовых начал, оттесняются конвенциональными (т.е. выработанными в рамках общественного дискурса) морально-нравственными критериями справедливости. В наши дни содержание процесса рационализации правопонимания заключается в том, что *от представлений, согласно которым право должно соответствовать неким внешним по отношению к нему морально-нравственным критериям справедливости, теория права движется к тому, что справедливость — это имманентная характеристика самого права, непосредственно связанная с принципом равенства*.

Таким образом, теория права на новом витке познания возвращается в этом вопросе к истокам античной рациональности⁴⁵, в основе которой ле-

⁴² Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / Учебник для вузов. М., 2005. С. 34.

⁴³ «Мораль, — говорил И. Кант, отнюдь не нуждается в религии». Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 7. «Эллинизация христианства, — пишет в этой связи Ю. Хабермас, привела к симбиозу религии и метафизики. Кант этот симбиоз ликвидирует. Он проводит резкую границу между моральной верой религии разума и позитивной религией откровения, которая хотя и внесла улучшение человеческих душ, но своими побочными установлениями ... в конце концов превратилась в ярмо». Хабермас Ю. Вера и знание. URL: http://www.textfighter.org...habermas_yu_vera_i_znanie.php.

⁴⁴ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Cambridge. 1984. P. 259. Цит. по: Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014. С. 97.

⁴⁵ Античные представления о взаимосвязанности права и справедливости как равенства были существенно трансформированы под влиянием христианства, которое, с одной стороны, придало идее равенства людей всеобщий характер, а с другой — привнесло в категорию справедливости, выражаемую принципом равенства, нравственно-религиозный (т.е. неправовой) смысл, уходящий корнями в христианскую идею милосердия. Подобную позицию обосновывает, в частности, такой авторитетный критик современной концепции естественного права с позиций античного рационализма, как М. Вилле, который говорит об отступлении доктрины юснатурализма от правового принципа равенства в пользу морально-религиозной идеи любви, основы которой, по его мнению, заложены еще в Ветхом Завете. Иудейско-христианская традиция, считает он, исказила античный юснатурализм, придав естественному праву морально-религиозный оттенок, скрывающий за

³⁸ Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 7. Суть его можно вслед за Ю.Ю. Болдыревым выразить тезисом: «Приумножение общественного «пирога» дает даже самым бедным больше, чем попытки справедливого перераспределения этого «пирога». Результат реализации данного тезиса, — продолжает автор (бывший в свое время начальником Контрольного управления Администрации Президента РФ и заместителем Председателя Счётной палаты РФ), — «ни справедливости, ни преумножения общественного «пирога» — такой вот либерализм порусски». (Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003. С. 4).

³⁹ Мальцев Г.В. Цит. соч. С. 108.

⁴⁰ Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов М., 2006. С. 46.

⁴¹ Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru/tu/dissertation/index.php?id54=8170&from54=3>.

жала идея внутренней взаимосвязанности права и политической справедливости, определяемой через равенство. Это проявляется, в частности, в стремлении уйти от метафизической трактовки справедливости как некоего, говоря словами американского юриста О. Холмса, «всеприсутствия, нависающего с небес»⁴⁶ и соединить право и справедливость в плоскости эмпирически верифицируемых правовых отношений. Если взять такие ключевые фигуры современной западной философии права, как Ю. Хабермас, Р. Дворкин, Л. Фуллер, Р. Алекси, то все они в вопросах правопонимания движутся, хотя и по-разному, в сторону включения идеи справедливости в правовое пространство⁴⁷. Эта общая ориентация философско-правовой мысли на рационализацию правопонимания получила свое дальнейшее логическое развитие в либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца, где справедливость не просто имманентная, а сущностная характеристика права.

Данная теория основана на самостоятельном (т.е. принципиально отличном от юридического позитивизма и юснатурализма) типе правопонимания, обозначенном автором как *либертарно-юридический*⁴⁸. Право трактуется здесь как выражение сущностного принципа формального равенства, представляющего собой триединство равной меры, свободы и справедливости. Приставка «юридический» означает, что речь идет не только о том, что право — форма свободы и справедливости, но и о том, что свобода и справедливость в общественной жизни возможны только в правовой форме. Этим автор подчеркивает, что свобода, будучи характерным признаком именно правовых начал общественной жизни, не является формой выражения морали или нравственности (как считали, например, И. Кант и Г. Гегель). Другим существенным отличием этой теории от юснатурализма, а также от иных версий либертаризма в рамках российской теории права⁴⁹ является лежащий в ее основе тезис о *концептуальном единстве права и правового государства* (как единстве нормативной и институциональной форм свободы) и вырастающее из этого тезиса *понимание права как правового закона*. Право, писал В.С. Нерсесянец, — это «равная мера (масштаб, форма, норма) свободы, обладающая законной силой»⁵⁰.

гуманистическим пафосом эклектичное смешение права и морали, чреватое произволом. (См.: Кравцов Н.А. Философия права Мишеля Вилле. Ростов н/Д., 2005. С. 39–41).

⁴⁶ Цит. по: Фуллер Р. Мораль права: пер. с англ. М., 2007. С. 118.

⁴⁷ См.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 240–290.

⁴⁸ Содержательный анализ теории юридического либертаризма В.С. Нерсесянца см.: Чашин А.Н. Современные правовые учения России. М., 2014. С. 32–57.

⁴⁹ О дискуссии среди сторонников либертарного правопонимания см. там же.: С. 376–441.

⁵⁰ Нерсесянец В.С. Философия права. Учебник для вузов М., 2006. С. 54.

Сущностный признак права — *формальное правовое равенство* — это равенство в свободе, которое заключается в том, что фактически разные (неравные) люди в правовом взаимодействии выступают как равные друг другу (а значит — независимые друг от друга, т.е. свободные) в том смысле, что они в равной мере подчиняются общей норме, выражающей меру их свободы на основе принципа: свобода одного кончается там, где начинается свобода другого. Дозволения и запреты, которыми право отмеряет и оформляет свободу в человеческих отношениях, «представляют собой нормативную структуру и оформленность свободы в общественном бытии людей, пределы достигнутой свободы, границы между свободой и несвободой на соответствующей ступени исторического развития»⁵¹. В этом смысле система права — это, по словам Г. Гегеля, — царство реализованной свободы, а само право, по характеристике В.С. Нерсесянца — это «*равная мера свободы*» («своим всеобщим масштабом и равной мерой право измеряет ... именно свободу ... в человеческих взаимоотношениях»⁵²). С позиций такого подхода *справедливость есть результат применения равной меры к фактическому многообразию отношений с целью такого их упорядочивания, которое обеспечивает равенство в свободе*. Это означает, что право всегда справедливо и «только право и справедливо»⁵³.

Принцип формального равенства носит универсальный для права характер, охватывающий как сферу его осуществления, так и процессы правоустановления. Равенство субъектов в ходе реализации ими своего права — это равенство прав и обязанностей лиц одного правового статуса, надлежащая координация прав и обязанностей (соразмерность дозволенного и запрещенного), равенство перед законом и судом, соразмерность вины и ответственности⁵⁴ и т.д. Причем, что принципиально важно, все эти многогранные проявления равен-

⁵¹ Там же. С. 38.

⁵² Там же. С. 37–38.

⁵³ В этом триединстве различных составляющих сущности права справедливость выступает в качестве «самосознания, самовыражения и самооценки права». (Там же. С. 46).

⁵⁴ Так, с позиций критерия формального равенства смертная казнь за умышленное убийство — это выражение необходимого и справедливого соответствия между высшей санкцией и основным запретом права, а отмена смертной казни за умышленное убийство — это «отказ от принципа права и равноценной правовой ответственности в самом важном и напряженном пункте правовой регуляции». Нерсесянец В.С. Философия права. Учебник для вузов М., 2006. С. 629. Отказ от смертной казни, — писал В.С. Нерсесянец, — не ликвидирует сам принцип правомерности смертной казни за умышленное тяжкое убийство, а лишь приостанавливает его действие. По своей правовой сути «отмена смертной казни всегда будет оставаться правовым экспериментом (как бы долго он ни длился), в процессе которого будет проверяться, может ли соответствующий правопорядок нормально функционировать при допущенном отходе от основного принципа права и требования равноценной правовой ответственности». (Там же. С. 631).

ства в процессе осуществления права, означающие *отсутствие привилегий и дискриминаций* людей в сфере реализации прав, становятся возможными только потому, что субъекты права выступают как лица, воля которых в равной мере была учтена в процессе правообразования. «Свобода, — писал В.С. Нерсесянц, — возможна лишь там, где люди не только ее адресаты, но и ее творцы и защитники. Там же, где люди — лишь адресаты действующего права, там вместо права как формы свободы людей действуют навязываемые им свыше принудительные установления и приказы отчужденной от них насильственной власти (деспотической, авторитарной, тоталитарной)»⁵⁵. Правовая норма является мерой свободы лишь постольку, поскольку каждый, на кого направлено ее действие, так или иначе, с той или иной (пусть даже очень большой) мерой опосредования принимал участие в ее создании наравне с другими. В этом тезисе классического либерализма сливаются воедино право как нормативная форма свободы и демократия как ее институциональная форма.

Такая теория, основанная на признании внутреннего единства либерализма и демократии (либеральной идеи прав человека, стоящей на защите индивидуальной свободы, и республиканского процесса правотворчества, делающего акцент на равносправедливом политическом участии⁵⁶), вряд ли может сейчас встретить широкую поддержку на Западе. На внутригосударственном уровне западные государства и их юридические сообщества вполне устраивает доминирование в правовой практике мягкого позитивизма, который уже не входит в противоречие с постулатами либеральной демократии. Главным достоинством юридического позитивизма является то, что он опирается на хорошо разработанную и устоявшуюся в веках юридическую догматику. Кроме того, юридико-позитивистская доктрина удобна тем, что позволяет сдерживать давление со стороны космополитического юснатурализма наднациональных структур⁵⁷. А на наднациональном уровне правового регулирования, где формируются сейчас основы глобального права, Запад еще ме-

нее заинтересован в такой теоретически последовательной трактовке идеи либерализма, которая увязывает право и процессы правообразования с принципом формального равенства. Ведь подобный подход предполагает, что все субъекты глобального взаимодействия, договаривающиеся между собой о том, что есть право в современном мире, являются равноправными партнерами в этом дискурсе. Западу удобнее опираться на освященный веками авторитет доктрины юснатурализма, оставляя за собой право адаптировать эту доктрину к современным реалиям по своему усмотрению. Но главное в том, что юридическая глобализация пока что не сопровождается (и в обозримой перспективе, по-видимому, не может сопровождаться) процессами демократизации глобальных отношений, которые смогли бы обеспечить институциональные гарантии свободы.

Однако современное глобальное общество все настойчивее выдвигает запрос на правовую демократию⁵⁸. Что же касается России, то в условиях нынешнего политико-правового кризиса она особенно остро заинтересована в продвижении идей либеральной демократии в сферу глобальных правовых отношений. Но все разговоры на эту тему остаются без надлежащего философско-правового обоснования, если они не опираются на правовую доктрину, выстроенную на основе последовательного утверждения принципа формального равенства. Либертарно-юридическая теория в полной мере отвечает подобным запросам социальной практики. Правда, эта теория является явно неудобной для оценки ситуации внутри страны, поскольку применение критерия формального равенства высвечивает целый пласт нерешенных и (что более важно) не решаемых политико-правовых проблем. Застарелый характер этих проблем порождает соблазн отказаться от универсального либерально-демократического критерия в пользу утверждения своей самобытной антилиберальной культуроцентричности. Но нельзя иметь две парадигмы правопонимания — одну для «внутреннего», а другую — для «внешнего» пользования. А главное — поиск места России в глобализирующемся мире вне общецивилизационного вектора развития человечества на пути к свободе, в рамках которого «свобода индивида (ее мера, характер, содержание и т.п.) выступает в качестве критерия и основного итога достижений человеческой цивилизации»⁵⁹, по сути дела означает признание исторического фиаско страны.

Окончание в следующем номере

⁵⁵ Нерсесянц В.С. *Философия права Гегеля*. М., 1998. С. 164.

⁵⁶ Анализ соотношения идей либерализма и республиканизма в контексте проблематики правопонимания см.: Максимов С.И. *Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Российский ежегодник права*. 2008. № 1. С. 139–140; Денисенко В.В. *Цит. соч.* С. 30–31.

⁵⁷ В современной российской теории права космополитизм естественно-правовой доктрины наиболее явно выражен в работах Л.С. Явича, писавшего, что «суверенитет государства как якобы абсолютная независимость власти и непререкаемый признак государства как такового противостоит суверенитету народа собственной страны, народам всех стран — мировому сообществу, противоречит приоритету международного сообщества и международного права, мешает глобальным прогрессивным интеграционным процессам, вообще интеграции государств». (Явич Л.С. *О философии права XXI в. // Государство и право*. 2000. № 4. С. 12–13.

⁵⁸ См.: Валлерстайн И. *После либерализма*. М., 2003. URL: <http://www.nashol.com...posle-liberalizma-vallerstain-i...> (Гл. 8. Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мирорисистемы).

⁵⁹ Нерсесянц В.С. *Право — математика свободы*. М., 1996. С. 3.

Список литературы:

1. Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003.
2. Девятко И.Ф. Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России // Социс. 2007. № 9.
3. Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003.
4. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014.
5. Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. М., 2008. № 7.
6. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.
7. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. Взгляд с Ильинки. М., 2007.
8. Ковлер А.И. Антропология права / Учебник для вузов. М., 2002.
9. Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов, 2007.
10. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.
11. Кравцов Н.А. Философия права Мишеля Вилле. Ростов н/Д., 2005.
12. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.
13. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5.
14. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.
15. Максимов С.И. Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Российский ежегодник права. 2008. № 1.
16. Мальцев Г.В. «Нравственные основания права». М., 2009.
17. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.
18. Матузов Н.И. Актуальные проблемы правопонимания. Саратов, 2003.
19. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
20. Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>.
21. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / Учебник для вузов. М., 2005.
22. Нерсесянц В.С. Право — математика свободы. М., 1996.
23. Нерсесянц В.С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права / под ред. Д.А.Керимова. М., 1973.
24. Нерсесянц В.С. Философия права / Учебник для вузов. М., 2006.
25. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.
26. Поляков А.В. Общая теория права / Учебник для вузов. СПб., 2004.
27. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М., 2010.
28. Сапельников А.В., Честнов И.Л. Теория государства и права. СПб., 2006.
29. Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К обновлению методологии юридической науки. Саратов, 2007.
30. Смирнов В.В. Юридическая политология: теоретико-методологическая эволюция // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М., 2008.
31. Сорокина Ю.В. Предисловие к монографии Р.Р. Палеа «Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития». М., 2012.
32. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социс. 2007. № 9.
33. Фуллер Р. Мораль права: пер. с англ. М., 2007.
34. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость: пер. с нем. М. 1994.
35. Чашин А.Н. Современные правовые учения России. М., 2014.
36. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1990.
37. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.
38. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995.
39. Явич Л.С. О философии права XXI в. // Государство и право. 2000. № 4.
40. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Cambridge. 1984.

Current State and Prospects of the Russian Theory of Law and State Part 1

Lapaeva V.V.

Doctor of Law, consultant of the Constitutional Court
of the Russian Federation
E-mail: lapaeva07@mail.ru

Abstract. Article deals with general characteristic of current state of the Russian theory of law, which is examined in the unity of such aspects as philosophy of law, sociology of law and legal dogmatics. In author's opinion, prospects for development on each of these directions should be determined by the main social demand, inverted to the theory of law, which consists of development of criteria of distinguishing law from arbitrariness, exercised in the form of law. For the philosophy of law the main direction of efforts should be connected with development of general doctrinal type of understanding of law, which would correspond to a human-centric legal ideology, assumed as the basis of the Constitution of the Russian Federation. The task of sociology of law is seen, first of all, in development on the basis of such understanding of law of theoretical-methodological basis for study of social conditionality of legislation and efficiency of its application. The proper transfer of the results of philosophical and legal and legal and sociological studies, conducted within the framework of the theory of law, at the level of law-making and law enforcement practice requires the development of an adequate legal dogmatics. The author substantiates the need for development of the human-centric dogma of the Russian law as such a system of legal-dogmatic constructions, which would specify the principle of human rights priority. Special attention is paid to disclosure of cognitive potential of libertarian juristic type of understanding of law in respect of each of the chosen directions of theoretical and legal studies.

Keywords: theory of law, philosophy of law, sociology of law, dogma of law, law, arbitrariness, type of understanding of law, essence of law, principles of law, limitation of human rights criteria.

References:

1. Boldyrev Yu. O bochkah meda i lozhkah degtya. M., 2003.
2. Devyatko I.F. Sostoyanie i perspektivy sociologicheskoi teorii v mire i v Rossii // Socis. 2007. № 9.
3. Dedov D.I. Obshee blago kak sistema kriteriev pravomer-nogo regulirovaniya ekonomiki. M., 2003.

4. Denisenko V.V. Legitimnost' kak harakteristika sushnosti prava. M., 2014.
5. Ershov V.V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravoponimaniya, pravotvorchestva i pravoprimeneniya // Rossiiskoe pravosudie. M., 2008. № 7.
6. Zor'kin V.D. Pravo v usloviyah global'nyh peremen. M., 2013.
7. Zor'kin V.D. Rossiya i Konstituciya v HHI v. Vzglyad s Il'inki. M., 2007.
8. Kovler A.I. Antropologiya prava / Uchebnik dlya vuzov. M., 2002.
9. Kozlihin I.Yu. Netradicionnye podhody k pravoponimaniyu // Sovremennyye metody issledovaniya v pravovedenii. Saratov, 2007.
10. Kozlovskii V.V., Utkin A.I., Fedotova V.G. Modernizaciya: ot ravenstva k svobode. SPb., 1995.
11. Kravcov N.A. Filosofiya prava Mishelya Ville. Rostov n/D., 2005.
12. Lapaeva V.V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika. M., 2012.
13. Lapaeva V.V. Rossiiskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoi filosofsko-pravovoi tradicii // Voprosy filosofii. 2010. № 5.
14. Leist O.E. Sushnost' prava. M., 2002.
15. Maksimov S.I. Mirovozzrenchesko-metodologicheskie podhody k osmysleniyu prava // Rossiiskii ezhegodnik prava. 2008. № 1.
16. Mal'cev G.V. «Nravstvennye osnovaniya prava». M., 2009.
17. Martyshin O.V. Sovmestimy li osnovnye tipy ponimaniya prava? // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 6.
18. Matuzov N.I. Aktual'nye problemy pravoponimaniya. Saratov, 2003.
19. Medushevskaya N.F. Intellektual'no-duhovnye osnovaniya rossiiskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010.
20. Mezhuev V.M. Rossiya v dialoge s Evropoi. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>.
21. Nersesyanc V.S. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii / Uchebnik dlya vuzov. M., 2005.
22. Nersesyanc V.S. Pravo — matematika svobody. M., 1996.
23. Nersesyanc V.S. Razlichenie i sootnoshenie prava i zakona kak mezhdisciplinarnaya problema // Voprosy filosofii prava / pod red. D.A.Kerimova. M., 1973.
24. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava / Uchebnik dlya vuzov. M., 2006.
25. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava Gegelya. M., 1998.
26. Polyakov A.V. Obshaya teoriya prava / Uchebnik dlya vuzov. SPb., 2004.
27. Problemy obshei teorii prava i gosudarstva / pod red. V.S. Nersesyanca. 2-e izd. M., 2010.
28. Sapel'nikov A.V., Chestnov I.L. Teoriya gosudarstva i prava. SPb., 2006.
29. Sinyukov V.N., Sinyukova T.V. K obnovleniyu metodologii yuridicheskoi nauki. Saratov, 2007.
30. Smirnov V.V. Yuridicheskaya politologiya: teoretiko-metodologicheskaya evolyuciya // Politicheskaya nauka v Rossii: problemy, napravleniya, shkoly (1990–2007). M., 2008.
31. Sorokina Yu.V. Predislovie k monografii R.R. Paleha «Sovremennoe otechestvennoe pravoponimanie: sostoyanie i perspektivy razvitiya». M., 2012.
32. Toshenko Zh.T. Paradigmy, struktury i urovni sociologicheskogo analiza // Socis. 2007. № 9.
33. Fuller R. Moral' prava: per. s angl. M., 2007.
34. Heffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost' // per. s nem. M., 1994.
35. Chashin A.N. Sovremennyye pravovye ucheniya Rossii. M., 2014.
36. Chicherin B.N. Filosofiya prava. M., 1990.
37. Shafirov V.M. Estestvenno-pozitivnoe pravo: vvedenie v teoriyu. Krasnoyarsk, 2004.
38. Yuridicheskaya konfliktologiya / pod red. V.N. Kudryavceva. M., 1995.
39. Yavich L.S. O filosofii prava HHI vek // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 4.